

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА дореволюционной России. Как это было

Владлен Анатольевич Гурковский,

*руководитель программ Фонда поддержки кадетских корпусов им. А.Б. Йордана,
полковник разведки в отставке, выпускник Горьковского Суворовского училища,
кандидат исторических наук*

В кадетских корпусах дореволюционной России нередко рождались самые передовые педагогические технологии. Педагогическое наследие кадетских корпусов всегда актуально, а порой и остро злободневно.

Как известно, до 1917 года школа не была отделена от церкви. А военно-учебные заведения были настоящим оплотом идеологии православия и самодержавия. Фундаментом воспитательной системы была именно религия.

Один из выпускников Новгородского (позднее Нижегородского) графа Аракчеева кадетского корпуса по случаю пятидесятилетия корпуса направил письмо в адрес юбилейного комитета: «Могу ли не благодарить Бога за то, что почти дитятей попал в добрые руки воспитателей Новгородского корпуса, укоренивших в нас нравственные начала. Мир Вам, незабвенные! Буду помнить Вас до конца моей жизни. Вас нет на свете, но деяния и труды Ваши Бог видел въяве, и я свидетельствую о них. Пусть время рушит нашу старину, но оно не разрушит сделанного нашими наставниками и учителями.

А ты, колыбель моего воспитания, Новгородский корпус, уютной родной, где судьба лелеяла меня, —

да будет во мне свята память о тебе. Воспоминание о тебе вызывает во мне гордость именоваться Новгородским Кадетом. Где Вы, мои милые друзья? Обнимаю Вас как братьев, милых сердцу моему».

При поступлении в корпус кадетам выдавалась в красивом переплёте книга «Слова Святого Евангелия» с русским и старославянскими текстами. Мусульманам выдавался Коран. На первой странице Евангелия было вклеено стихотворение Великого Князя Константина Константиновича (известного любителям поэзии как К.Р.), заверенное корпусной печатью.

НАДПИСЬ НА ЕВАНГЕЛИИ

Пусть эта книга священная,
Спутница нам неизменная,
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подаёт утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной,
Пусть в наше сердце вливаются,
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Конечно, не все веровали с одинаковым рвением. Религиозность в младших классах была выше, к Евангелию и к Кресту все подходили благоговейно и осеняли себя крестным знаменем. Почти у всех кадет у изголовья кровати висел образок-благословение из дома, перед которым они совершали молитву каждое утро и при отходе ко сну.

Для воспитания у кадет религиозных чувств было предписано требовать, чтобы за всякое общее дело кадеты принимались с молитвой. Каждое утро после подъёма и утреннего туалета звучал сигнал «на молитву». Все выстраивались в своих помещениях. Старшие осматривали, хорошо ли умылись кадеты, чистые ли уши, нет ли грязи под ногтями, вычищены ли сапоги. После обхода комнат фельдфебель давал приказание громко читать установленные утренние молитвы: «молитву Господню» и «молитву за царя» с коленопреклонением в последнем случае. Первый урок в классах также начинался с молитвы. Перед началом приёма пищи и по окончании трапезы также читались молитвы. В Полоцком кадетском корпусе по возвращении из столовой, по команде дежурного воспитателя, пелись молитвы «Отче наш» и «Спаси, Господи, люди Твоя».

В субботу и в предпраздничные дни все кадеты, остававшиеся в корпусе, должны были поротно идти в корпусную церковь к всенощной, а в воскресенье и в праздники — к литургии. Стоять в церкви полагалось смиренно, можно было только отставить ногу, разговаривать не разрешалось. Во время службы пел кадетский хор. На всех богослужениях присутствовали директор, командиры рот и офицеры-воспитатели. Если дежурный воспитатель замечал, что кто-либо из кадет стоит небрежно, то подходил к такому и напоминал, что в церкви надлежит стоять «смирно» и внимательно слушать богослужение.

Религиозное воспитание кадет начиналось с первого класса и непрерывно продолжалось до окончания корпуса. По учебной программе в первом классе проходили Ветхий Завет, во втором — Новый, в третьем — богослужение, в четвертом — катехизис и в последних трех классах — историю церкви и Вселенских соборов.

В Одесском кадетском корпусе в третьем классе при прохождении богослужения отец Сергей каждую неделю брал в алтарь по шесть кадет,

чтобы они могли видеть вблизи приношение Бескровной Жертвы, а также слушать ту часть службы, которая скрыта от стоящих в храме, когда Царские Врата закрыты. Во время пения «Херувимской», «Тебе поём», «Отче наш» и чтения Евангелия все опускались на колени.

В Сумском кадетском корпусе большим уважением пользовался корпусной священник отец Василий Виноградов. Если воспитатель считал необходимым «покрепче» пробрать кадета, повлиять на душу юноши, то направлял его на «разговор» с отцом Василием. На общих заседаниях воспитателей и преподавателей, когда решалась судьба какого-нибудь кадета, слабого в учебе или отличающегося плохим поведением, батюшка, пользуясь своим авторитетом, «спасал утопающего». Во время перемены между уроками, когда каждый преподаватель имел возможность спокойно отдохнуть в учительской, отец Василий всегда находился среди кадет, желавших побеседовать с ним, разрешить какое-либо недоразумение. После обеда он совершал прогулки вокруг плаца в окружении кадет, задававших ему самые разные вопросы. О его необыкновенной отзывчивости свидетельствует такой случай. Из корпуса был отчислен кадет, который уже два года сидел в одном классе. Мальчика отправили домой, но мать не имела средств для содержания ребёнка. И вот однажды в квартире, где жил батюшка, раздался звонок. На пороге стоял заплаканный кадет. Он рассказал отцу Василию свою историю. Священник, воспользовавшись тем, что не присутствовал на педагогическом совете, когда решалась судьба мальчика, уговорил директора корпуса ходатайствовать перед Великим князем, чтобы мальчика оставили в кадетском корпусе. Судьба мальчика была решена, он продолжил обучение в кадетском корпусе и успешно его закончил.

Преподавая Закон Божий с первого до седьмого класса, отец Василий отлично знал каждого своего ученика и часто ставил хорошие баллы некоторым кадетам,

даже не спрашивая их в четверти. Иногда, пользуясь этим доверием, ученики не готовились к урокам, откладывая это на следующий раз. Однажды, спросив у кадет трудный текст из катехизиса и получив неудовлетворительные ответы, батюшка обратился к отличнику, которого вообще редко спрашивал, сказав: «Ну, юноша, ответь ты, посрами незнающих». Однако кадет не знал урока. «Ну, юноша, — произнес батюшка, — я думал ты столп, а ты столб! Всё же я тебе поставлю 12 баллов, ибо знаю, что завтра ты будешь знать всё».

Иногда, не выучив урока, кадеты целым классом обращались к батюшке с просьбой их не спрашивать. Согласившись вместо опроса почитать Библию, батюшка, как будто случайно открыв нужную страницу, начинал читать: «На кого нужна узда, а на кого и палка... кто не бьет своё дитя, тот его не любит», и выразительно смотрел на класс. В другой раз, когда уже не было необходимости продолжать урок, отец Василий решил что-то почитать кадетам. Но кадеты стали разговаривать и мешать, и тогда о. Василий с сердцем сказал им: «Ну и свиньи же вы!». С задней парты раздался голос: «Батюшка, в Писании сказано: «Блажен, иже скоты милует». Отец Василий не мог сдерживать улыбки, конфликт был улажен.

Выпускник 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса вице-фельдфебель Михаил Скворцов особо отметил значение молитвы для кадет во время пребывания их в строю: «Мне до сих пор не удалось нигде прочесть, чтобы молитве ко Всевышнему в общем строю, её колоссальному значению в воспитании людей давалась достойная оценка. А ведь множество уст становятся едиными устами, множество сердец — единым сердцем, локтями чувствуешь своих соседей слева и справа... Нет, я убежден, что сила общей молитвы неизмерима, а красота её неописуема! И эту красоту особенно чувствуешь именно в строю, а в кадетском — ещё сильнее».

Во Владимирском Киевском кадетском корпусе во время Великого поста говение кадет проис-

ходило по следующему распорядку: 1-я и 2-я роты — на первой неделе поста, а 3-я и 4-я роты — на четвёртой неделе поста. Говение начиналось: в бытность в корпусе первых выпусков для 1-й и 2-й рот с понедельника, а для 3-й и 4-й рот со вторника — «Вечерними «часами». Со следующего после начала говения дня классные занятия в говеющих ротах прекращались до следующей недели.

Начиная со среды по день принятия Христовых Тайн включительно присутствие на всех ежедневных церковных службах было обязательным. В течение четверга, между завтраком и обедом, происходила исповедь: на первой неделе 2-й роты, а на 4-й неделе 4-й роты. Эти роты в соответствующие пятницы приобщались Христовых Тайн. В пятницу на 1-й неделе исповедовалась 1-я рота, а на 4-й неделе — 3-я рота, а в субботу соответствующих недель эти роты приобщались. После причастия бывал улучшенный завтрак с обязательным крупным апельсином, а после завтрака причастников отпускали в отпуск до вечера воскресного дня. В Великом посту на 1-й, 4-й и 7-й неделях стол был постным, а на остальных неделях постились по средам и пятницам. Говеющие, в промежутках между церковными службами, при хорошей погоде, могли выходить на плац, но особенно шумных игр не допускалось. В недели говения жизнь в корпусе становилась тише и сосредоточенней. Многие воспитатели собирали вокруг себя кадет, беседовали с ними и читали им что-либо на религиозные или исторические темы.

Ничто не могло заменить кадетам той радости, которую они испытывали с приближением отпусков к родным на праздники Рождества и Святой недели. И не было больше горя, как попасть под наказание и не быть уволенным в отпуск. На Рождество Христово устраивалась ёлка для кадет, не имевших возможности, по тем или иным причинам, быть в семьях.

Что касается Церкви и повседневной жизни кадетских корпусов, то особое место там занимало вручение корпусу знамени

и освящение его. Этому мероприятию предшествовала тщательная подготовка начальствующего состава и воспитанников. День, когда корпусу вручалось знамя, запоминался кадетам на многие годы в мельчайших деталях.

Вот как вспоминали об этом знаменательном событии через многие годы воспитанники Одесского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса: «В день корпусного праздника, 11-го мая, после литургии, на плацу состоялось освящение знамени. Из парадных дверей здания корпуса сопровождаемый директором корпуса выходит генерал Анчутин. Под марш военно-учебных заведений он обходит строй кадет, здороваясь с каждой ротой отдельно. На плацу появляется церковная процессия. Замыкает процессию вице-фельдфебель Потоцкий, несущий неосвященное знамя. Звучит команда: «Барабанщики, на молитву!» Затем: «На молитву, шапки долой!». Генерал Анчутин берет знамя из рук вице-фельдфебеля и вставляет его в специальную скобу у аналоя. Начинается молебен. По окончании освящения генерал Анчутин прочел Высочайшую Грамоту и передал освященное знамя директору корпуса. Со словами: «Тебе, достойнейшему, вручаю нашу Святыню», директор вручает знамя первому знаменщику корпуса вице-унтер-офицеру Козловскому. Знаменщик принимает знамя, становится на колени, целует его и встаёт.

Весь корпус приводится к присяге. Звучит команда: «На молитву, шапки долой! Поднять руки для присяги!» Корпус впервые прошел церемониальным маршем с пожалованным ему знаменем. По окончании парада знамя было отнесено в корпусной Храм и водружено на свое постоянное место — правее правого клироса. Напротив знамени, на стене Храма, в рамке под стеклом была прикреплена Высочайшая Грамота о даровании корпусу знамени».

В Первом кадетском корпусе накануне 100-летнего юбилея в 1832 году в течение трёх недель, предшествовавших празднеству, начальство употребило все старания, чтобы наружный вид храма и прилегающих к нему переходов соответствовал предстоявшему торжеству. Вся церковь была обновлена и снабжена новыми ризами, на престольными и прочими одеждами из голубого бархата, обита по полу коврами и алым сукном. Алым сукном были покрыты все смежные

с церковью покои, лестница, ведущая к церкви от главного подъезда.

Кадеты, по приходе в церковь, были выстроены поротно таким образом, что между ними по длине церкви оставался устланный ковром свободный проход для императорской фамилии. Перед кадетами, посередине церкви, стоял подпрапорщик с новым знаменем, а по бокам от него — выпускники корпуса, произведённые в этот день в офицеры. Вместе с кадетами роты Его Величества находился наследник цесаревич, стоявший во время службы в шеренге с унтер-офицерами этой роты.

После того как корпус был построен, в церковь вошли император и императрица в сопровождении нескольких дам и фрейлин двора. Литургию совершил обер-священник Музовский. После обедни последовало благодарственное молебствие, совершенное митрополитом Серафимом. При отправлении литургии на клиросе пели кадеты и придворные певчие.

К молебствию было приурочено освящение нового знамени. Император принял от подпрапорщика знамя и после окропления его святою водою передал директору корпуса генерал-лейтенанту Перскому. Один из историков Первого кадетского корпуса так описал эту торжественную процедуру: «Минуты, в которые митрополит совершал окропление знамени, находившегося в руках самого Венценосца, были торжественны. Под первым знаменем Корпуса, дарованным ему императрицей Анной Иоанновной, в этом заведении выросли фельдмаршалы: Румянцев, Прозоровский и граф Каменский, множество других генералов и знаменитых людей».

Знамена кадетских корпусов хранились в храмах. И никто не имел права подходить к святыне, дотрагиваться до нее или совершать со знаменем какие-либо действия без санкции директора корпуса. Но в жизни корпусов возникали ситуации, когда необходимо было проникнуть

Фото: <http://folki.yandex.ru/users/dim135>

в храм в чрезвычайном порядке и извлечь оттуда знамя.

Во 2-м Московском кадетском корпусе накануне корпусного праздника 5 декабря 1898 года в корпусе произошёл пожар. Обгорели церковь, актовъй зал и приёмная корпуса.

Во время пожара подполковник Зыбин вместе с кадетом 6 класса Всеволодом Кандуровым с опасностью для жизни проникли в горящую церковь и оттуда вынесли корпусное знамя, за что были награждены: первый — орденом Владимира 4 степени, а второй — серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие» для ношения на груди.

В Орловском Бахтина кадетском корпусе ежегодно, в день престольного праздника корпуса, 8 ноября (день святого Михаила), лучшим по успехам кадетам выдавались в награду книги с похвальными листами. В этот день после богослужения в корпусной церкви

все классы вводились в конференц-зал и выстраивались лицом к портрету царствующего императора. На возвышении стоял длинный стол, покрытый красным сукном с золотыми кистями, на котором лежали книги и похвальные листы. За столом сидел в центре архиерей, а возле него директор корпуса, инспектор классов и почётные гости. В зале присутствовали родители и родственники кадет. Инспектор классов вызывал по списку награждаемых кадет. Каждый из них подходил к столу под звуки «туша», делал поклон сидевшим за столом, получал книгу и похвальный лист и возвращался на своё место.

В 1-м Московском кадетском корпусе выпускники, прежде чем окончательно покинуть стены кадетского корпуса, присутствовали в корпусной церкви на благодарственном молебне, по окончании которого, преклоняя колена, прощались с корпусным знаменем и получали от священника последний подарок корпуса — серебряную с позолотой, овальную иконку, на обратной стороне кото-

рой было выправлено: имя и фамилия кадета и надпись «От I-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса», а по ранту — «Спаси и сохрани».

Кадеты всех корпусов были большими любителями различных розыгрышей, в которые вовлекались преподаватели и даже священнослужители. В Сумском кадетском корпусе кадеты знали, что прибывший в корпус преподаватель французского языка ни слова не говорит по-русски, и решили воспользоваться этим.

При входе преподавателя дежурный кадет поднимал класс, докладывал по-французски, после чего начинал читать одну молитву за другой, растягивая время минут на 15–20. Преподаватель Параф стоял навытяжку перед классом, ожидая окончания богослужения. Инспектор классов однажды поинтересовался у Парафа состоянием дел. «Отлично, — ответил Параф, — очень милые и послушные дети. Но вот только не знаю, как сумею провести полностью курс. Понимаете, из 45 минут, отведённых мне на урок, для выполнения программы мне остаётся мало времени, потому что религиозность, свойственная русскому народу, оставляет мало времени для прохождения программы». Все попавшиеся отделения две недели были без сладкого.

Среди традиций Суворовского кадетского корпуса было развлечение, похожее на тотализатор, которого не было ни в одном из других кадетских корпусов. Из учительской для проведения уроков одновременно выходило несколько преподавателей. Кадеты выпускной роты делали на них ставки. Предстояло выяснить — кто из учителей придёт в роту, «к финишу», первым. У доски с расписанием уроков во время перемены толпились кадеты-игроки, определявшие, кто за кем и в каком «заезде» наблюдает. Верными фаворитами были математик Винокуров, преподаватели немецкого языка Кориус и Коппель. Самым надёжным номером в этой игре был священник отец Григорий. По пути в роту он то и дело останавливался, беседовал со встречными.

Ставкой в тотализаторе было пирожное или что-нибудь из сладкого, подаваемого на обед. И вот однажды во время урока по Закону Божьему один из кадет серьёзным недовольным тоном заявил батюшке, который в очередной раз где-то задержался и опоздал на урок: «Батюшка, что же это такое, на Вас хоть не ставь, никогда вы-

играть нельзя. Батюшка, ничего не понимая, попросил объяснить, в чём, собственно, дело. Когда ему все подробно рассказали, он долго от души хохотал и допытывался, кто же является верным «фаворитом».

В Пажеском корпусе младшие классы, по свидетельству одного из выпускников, молча и покорно выстаивали службу. Однажды священнику прислуживал какой-то незнакомый дьякон, чей внешний вид вызывал улыбку. Кое-кто из мальчиков тихонько начал хихикать. Звук стал распространяться, разрастаться, и вскоре уже все до одного мальчишки смеялись в голос. Службу прекратили. Пажей вывели из часовни и построили в одном из смежных помещений. Перед ними взад и вперед нервным шагом ходил заместитель директора, пытаясь пристыдить и угрожая всяческими карами, в случае если подобный инцидент повторится. Пажи вняли этому предупреждению, и больше во время службы никто не смеялся.

Отец Василий, священник Сумского кадетского корпуса, терпеливо выслушивал всех «еретиков» среди кадет и неизменно посрамлял их своей культурностью и логикой. Особенно запомнились кадетам его слова: «Вот вы некоторые считаете, что нет Бога, и не верите в Него. Подождите, не дай Бог, свистнет первая пуля или случится беда — тогда обратитесь к Нему и поверьте...». На уроке Закона Божьего отец Василий неустанно повторял: «Блажен, кто пролил кровь за друзи своя».

Возможно ли возрождение старых кадетских традиций в современных корпусах? Думаю, для этого необходимы совместные усилия церкви и армии. Сегодня православие приходит в школу — не только в виде специальных дисциплин, но и в материалах всех гуманитарных программ. Несмотря на споры, это уже реальность. Слепо копировать практику далёкого прошлого нет смысла. Чётко зная традицию, историю, мы сумеем создать новую воспитательную стратегию для кадетских корпусов и суворовских училищ. **НО**